

ИЗМЕНЕНИЕ РОЛИ КАЗАХСКОЙ РОДОВОЙ ЗНАТИ В ПРОЦЕССЕ ВНЕДРЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕМИРЕЧЬ

В статье рассматривается процесс трансформации функциональных полномочий казахской родовой знати в период проведения административно-политических и социально-правовых преобразований Российской империи на территории Семиреченского региона. Особое внимание уделяется изменению роли султанов и биев в процессе вхождения их в структуры местной административной власти, зарождению категории казахских служащих, не зависящих от сословно-генеалогических признаков. На примере исторических фактов, касающихся жизнедеятельности старших султанов Семиречья Суюка Аблайханова, Али Адилева, Тезека Аблайханова и их потомков, показаны этапы вовлечения степной аристократии в российскую государственно-административную систему. В частности, показана последовательное изменение сословной политики царского самодержавия по отношению к султанам. Освещаются отдельные аспекты взаимодействия представителей российской семиреченской власти и казахских старшин в управлении краем. Ключевые слова: Семиречье, Алатауский округ, Старший жуз, султаны, старшины, служащие, администрация.

В начале XIX в., с включением значительной части казахских земель к Российской империи, перед царским правительством встает проблема изменения административно-территориального устройства Казахской степи. Прежде всего на территории Казахстана была отменена ханская власть: в 1822 г. в Среднем жузе, в 1824 г. в Младшем жузе. Одновременно с этим вводится регионально-ведомственная система управления, в восточной части создается так называемое Сибирское ведомство, в западной части – Оренбургское ведомство, и в междуречье Волги и Урала после перехода в этот регион в 1801 г. пяти тысяч хозяйств казахов Младшего жуза образуется Букеевская орда, позднее переименованная во Внутреннюю орду. В 1847 г. на землях казахов Старшего жуза создается особая система управления, позднее оформленная в отдельный внешний округ в составе Западно-Сибирского ведомства.

Наряду с административно-территориальными и политическими изменениями, наблюдается начало трансформации традиционной структуры казахского общества. Проникновение государственных институтов власти России во внутриведомственное и социально-правовое устройство кочевников – казахов, привлечение представителей родовой знати к определенным звеньям колониального управления, приводит к формированию в колониальной системе новых категорий чиновников – старших султанов, волостных, аульных старшин и т.д. В представленной статье автором рассматривается процесс изменения функциональной роли казахской аристократии в общей системе административно-правовых и социальных преобразований Российской империи во второй половине XIX в. на территории Семиреченского региона.

Перед установлением, какого либо административного управления казахами в Семиречье западносибирская администрация признавала главным над родами Старшего жуза султана племени дулат Али Адилева. Еще в 1824 г. султан Али Адилев, его брат Иралы Алиев и другие знатные представители племени дулат были удостоены офицерскими чинами российской службы [1, Лл. 5об.-8]. В июне 1846 г. влиятельные представители родов жалаир и чапрашты подали прошение на имя председателя Сибирского пограничного управления генерала Н. Вишневого, в котором говорилось: «Хотя определено было, чтоб всем уйсюновским народом, как-то дулатовского и пр. рода, состоять под ведомством султана подполковника Алия Адилева, однако ж, мы, по общем совещании с народом нашим, положили намерение быть в отдельности от дулатовцев, и вследствие чего осмеливаемся покорнейше просить Ваше превосходительство для управления нами, джалаирцами и чапрашлинцами (родов асыл-айкумского) назначить главным султаном прежнего нашего султана 8-го класса Сюка Аблайханова, который справедлив, добр, полезен для народа и торговцев всегда готовый к защищению от обид и стеснений... Сверх того, другая причина, побуждающая нас, джалаировцев, быть под ведомством султана Сюка Аблайханова есть та, что мы имеем многих злых на нас людей, кочующих на берегах р. Или, и что, состоя под ведомством султана Алия Адилева, нам не избегнуть вреда их» [2, с. 318]. В числе подписавших прошение были султаны Камбар Аланов, Джангозы и Джочи Суюков. Среди биев племени жалаир: Тленчи Балпыков, Бейбит Кенбабин, Казар Караунбаев, от старшин рода чапрашты прошение подписали Артык Алин, Бортен Кангелдин, Ирмек Алтаев и другие. Подавая это прошение, султан Суюк Аблайханов надеялся на основание из управляемых им родов Старшего жуза отдельного округа и получение в нем должности старшего султана.

Однако, в связи с решением своих внешнеполитических задач российское правительство для вступивших в подданство казахских родов Семиречья формирует особую систему управления. В своем представлении от 17 апреля 1847 г. российскому императору Николаю I, управляющий Министерством иностранных дел граф К.В. Нессельроде о введении особого управления в Старшем жузе, писал: «Генерал-губернатор Западной Сибири, извещая ныне о счастливых последствиях всех сих распоряжений, представляет, что для большего еще упрочения влияния России над племенами Большой орды, он находил бы полезным и даже необходимым главных родоначальников, султанов Сюка Аблайханова, Галлия, Гакима и Рустема утвердить в их начальствовании (от высочайшего ли имени, или, по крайней мере, местным распоряжением главного начальства Западной Сибири, как то делается в округах Средней орды для старших султанов), и вместе с тем присвоить им равное с сими последними содержание» [2, с. 335]. Мера эта, по мнению Нессельроде, «принесет существенную пользу, привязав первенствующих киргиз личными выгодами к России и положив некоторое начало лучшему впоследствии устройству. Независимо от сего, с предположенным занятием в свое время твердой ногой Семиреченского края,

он полагал бы: для ограждения Большой орды от притеснений и для политического за ними надзора определить к ним благонадежного штаб-офицера, в виде пристава, с содержанием, правами и обязанностями по соглашению о сем с Министерством иностранных дел». Султаны со следующего года с открытием здесь приставства будут считаться на государственной службе, надзор за ними будет осуществлять назначенный пристав Большой орды из числа офицеров, непосредственно подчиненный западносибирскому генерал-губернатору».

Вступление старшего султана в должность обычно сопровождалось традиционными для казахов обрядами: организацией празднеств, награждением почетных казахов, раздачей подарков. Российская администрация, возлагая на султана не столько реальную, сколько символическую власть, старалась следовать определенным образцам поведения, тем самым демонстрируя потребность сохранения в неизменном виде основные принципы взаимоотношений в кочевом обществе и получения поддержки со стороны родоплеменной знати.

Проведение вышеуказанной миссии было возложено на начальника Пограничного управления Н. Вишневого. В 1847 г. генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков отправляя полковника Вишневого в Семиречье, чтобы провозгласить главными султанами Старшего жуза Али Адилева, Суюка Аблайханова и Хакимбека Куланова, однако, при этом предписал своему посланнику воздержаться от утверждения старшим султаном Рустема Абулфеизова. Командир Отдельного Сибирского корпуса указывал, что означенный султан не в достаточной степени доказал свою преданность российскому правительству [3, с. 32]. В отношении султана Рустема начальнику Пограничного управления было предложено ограничиться лишь награждением его золотой медалью.

На должность же пристава «Большой Орды» 18 января 1848 г. был назначен майор, барон Морец Миронович Врангель, который занимал эту должность до 1850 г. Врангель происходил из лифляндских дворян, закончил II Кадетский корпус, в 1843-1845 гг. в чине капитана принимал участие в кавказских войнах [4, с. 146].

Как указано выше, формально родами Старшего жуза управляли старшие султаны. Однако, коллегиальный порядок рассмотрения вопросов в приставстве преобразованном позднее в Алатавский округ давал возможность российской администрации ограничивать власть старшего султана и проводить через него собственные решения. Старший султан избирался преимущественно только из числа султанов, которые принадлежали к числу потомков Чингисхана. Он имел чин майора российской службы (чин VIII класса), считался чиновником поставленным во главе местного правления и получал жалованье в размере 343 руб. в год. За девятилетнюю службу старший султан имел право на потомственное дворянское звание. В случае отставки или срочной смены он оставался в числе почетных султанов.

Традиционно должность старшего султана передавалась по наследству. Но уже очень скоро власти Алатавского округа начали нарушать данное право

чингизидов. Так, в октябре 1849 г. командир Отдельного Сибирского корпуса П.Д. Горчаков доложил министру иностранных дел графу К.В. Нессельроде, о том, что «родоначальники и бии джалаирского и чапраштинского отделений подали Приставу при киргизах Большой Орды барону Врангелю» прошение на имя генерал-губернатора, где ходатайствовали перед о смене старшего султана Суюка Аблайханова, объясняя свое решение тем, что «он по преклонности лет не может управлять народом» [5, л. 1]. На место же старшего султана влиятельные представители означенных родов просили назначить султана из рода супотай племени жалаир Камбара Аланова. В своем представлении генерал-губернатор Горчаков писал: «По засвидетельствовании барона Врангеля, Суюк действительно не в силах исправлять свою должность и потому замещение его султаном Камбаром признаю я необходимым, но принимая в уважение постоянную и примерную преданность правительству Суюка в течение 20 лет имею честь покорнейше просить ходатайства, Вашего Сиятельства о всемилостивейшем пожаловании ему не в пример другим пожизненного пенсiona в 343 руб. серебром ежегодно».

Однако, уже в следующем 1850 г. султан Камбар Аланов был смещен с занимаемой должности, по причине перехода его сына и ряда других казахских старшин на сторону Коканда, во время русско-кокандских вооруженных столкновений под укреплением Таучубек. Старшим султаном родов жалаир и чапрашты вновь назначили Суюка Аблайханова. В 1852 г. несмотря на то обстоятельство, что влиятельные представители племени жалаир вновь ходатайствовали о назначении старшим султаном Камбара Аланова, российские власти отменили данное прошение, назначив на эту должность усыновленного¹ Суюком Аблайхановым султана Джангозы [5, л. 10].

На должности старшего султана «Адбановских и Сувановских волостей», Хакимбека Куланова в 1850 г. по утверждению российской власти сменил султан Тезек Нуралиев. Согласно сведениям К.Ш. Хафизовой, происхождение султана Тезека ведется от хана Аблая. Дедом Тезека был сын Аблая султан Адиль, а отцом – Нуралы, который в родословной составленной цинскими властями, назван седьмым сыном Адила по имени Пула (Нура). В каком именно родстве состоял султан Тезек со старшим султаном Хакимбеком, автор данного исследования не указывает. В архивном источнике РГИА султан Тезек обозначен как приемный сын султана Хакимбека [5, л. 11об.].

В 1851 г. генерал-губернатором Западной Сибири назначается Густав Христианович Гасфорд. Под его началом западносибирская администрация предприняла следующие шаги по пути реформирования края изменив избирательную систему на окружном и аульно-волостном уровнях власти. Первоначально по «Уставу о сибирских киргизах» принимать участие в выборах султанов предоставлялось только представителям высшей родовой аристократии. К тому же, не были определены сроки нахождения в должности

управителей, что существенно ограничивало возможности российской администрации в деле распространения своего влияния в степи.

23 февраля 1855 г. Сибирским комитетом было утверждено «Положение о порядке избрания по киргизской степи в старшие султаны». Согласно «Положению» расширился круг лиц, получивших право избираться на должность старшего султана. Кроме султанов в их число входили заседатели окружных приказов и волостные управители, прослужившие не менее трех лет и пожалованные офицерскими чинами. Избирателями могли выступать помимо султанов, также лица, имеющие офицерские чины, почетные казахи с девятилетним сроком службы. Новое положение ликвидировало сословный характер выборов старших султанов, тем самым обеспечив возможность российской власти оказывать избирательную поддержку местной окружной администрации. Заседатели от казахов, как и прежде, избирались биями и старшинами на два года [6, с. 187].

В период последующего обсуждения изменений в управлении казахами Старшего жуза, выдающимся казахским ученым Ч.Ч. Валихановым была написана статья, широко известная научной общественности под названием «Об управлении казаками Большой орды». Эта работа подготовлена в 1856 г. как официальная записка от имени генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда, адъютантом у которого был Ч.Ч. Валиханов после посещения им Семиречья. В данной записке автор приводит мысль о «разумном управлении» казаками Старшего жуза, с участием представителей от кочевого населения края: «... признаем нужным назначить ему (*приставу*, – С.М.) собственно по заведыванию кайсаками и гражданскими сношениями помощника от гражданских лиц и постоянного депутата от кайсаков, с тем, чтобы депутат этот был избираем от кайсаков на три года по общему их согласию» [7, с. 229]. Валиханов указывал на то, что «с занятием Заилийской долины и поступлением в подданство России части дикокаменных киргиз значение приставы при кайсаках Большой Орды получает большую важность и более шире становится круг его действий... При таких условиях необходимо, кроме одного заведывания кайсаками, подчинить приставу непосредственно и все войска, в Илийском крае находящиеся, и главное заведывание этим краем, дабы, таким образом, сосредоточив в одних руках военное и гражданское управление». При этом, если в связи с этим западносибирский генерал-губернатор связывал расширение полномочий окружного управления, находящегося в пограничной территории, то напротив Ч.Ч. Валиханов – ослабление произвола военной власти, подчинение ее гражданскому управлению. Гасфорд предлагал вместо приставства «Большой Орды» образовать в Семиречье Илийский округ. Однако, российским правительством такое определение было отвергнуто. Ч.Ч. Валиханов, а вместе с ним и Г.А. Колпаковский считали более правильным назвать новый край Алатавским округом. В 1856 г. в составе Семипалатинской области на правах внешнего окружного приказа образуется Алатавский округ. В июне 1858 г. майор Г.А. Колпаковский назначается начальником округа, сменив на этом посту майора Перемышльского.

Анализ архивных документов свидетельствует, что старшие султаны нередко превышали свои полномочия, используя налагаемые на них российской властью административно-властные функции в корыстных целях. Так, в 1865 г. начальнику Алатавского округа поступила жалоба от волостного управителя рода арыктыным племени жалаир Тлеугула Тлеубаева. В прошении волостного Тлеубаева говорилось: «Старший султан наш сильно обижает волости. Так нынче весной с рода арыктыным насильно собрал 560 баранов, с ягенчей (хлебопахарей) насильно собрал проса 70 капов, совершенно приготовленное и очищенное, не возвращает подводных верблюдов; брат его Итбаш тоже угнал верблюдов, увез из юрты ружье, есаул Бенс и Сакау захватили хороших лошадей и передали султану; есаул султана Джуасбай не отдает халат и двух верблюдов... Одним словом, старший султан наш не оставил в покое ни табунов, ни скотины, ни проса в мешках; ни просьбам, ни слезам нашим не внимает, а потому приехали со слезами умолять всех освободить нас от его управления» [8, лл. 6-7]. О своеобразных методах управления султанов племени жалаир, еще в декабре 1864 г. Ч.Ч. Валиханов генерал-майору Г.А. Колпаковскому писал следующее: «Джалаиrowsкие султаны, волостные и прочие, похожи на наезжих сибирских чиновников, которые приезжают только затем, чтобы постоять и потом уехать. Между джалаиrowsкими родоправителями существует круговая порука, чтобы грабить народ. Я знаю наверно, что эти господа научают татар и прочих подать просьбу в Алматы и потом, получив бумагу из Верного, пугают своих и берут тогузами (*традиционные подарки или подношения, состоявшие из 9 предметов*, – Собрание Сочинений), одну – Султангази, другую – Тынги, третью – Камбару и проч. Подводы в этом роде назад не возвращаются – продаются, и деньги делятся между вышеупомянутыми лицами... Вообще поборам нет конца» [9, с 169].

Не менее лестную характеристику Ч.Ч. Валиханов представлял и на старшего султана родов албан и суан Тезека Нуралиева: «Султан здесь управляет только своими туленгутами, которых, правда очень много, и управляет ими, как плантатор неграми. На адбанов, кочующих за Или, он почти не имеет влияния и адашевцы, чаирбеки зависят от него, как вассалы от барона: по временам приезжают на поклон, принимают его есаулов и только. Словом, султан считает себя владельцем, а не чиновником русского правительства, каким он есть в действительности».

Ч.Ч. Валиханов писал, что «прежде было основание церемониться с киргизскою властью, теперь же, когда границы наши закреплены, можно положить конец их самоуправству и произволу и дать почувствовать им, что они не владельцы, а чиновники и что правительству нужен народ, а не султаны, ибо математически 100 вернее, полезнее, чем 10». Согласно мнению Валиханова, «этого можно достигнуть, только подчинив формальным выборам должность султанов и управителей; ослабить аристократический элемент и поднять и дать значение суду биев».

Впрочем, администрация Алатавского округа и до этого было известно о различных фактах подтверждающих самоуправные действия старших

султанов. В частности, еще в апреле 1863 г. генерал-майор Колпаковский обращаясь к старшему султану племени жалаир Султангазы Джангозину, писал: «До меня дошли слухи, что Вы не смотря на прежде мною сделанное приказание не собирать без моего разрешения с народа баранов на общественные расходы, Вы снова нынче собираете 5 тыс. баранов, что составит 10 тыс. рублей серебром» [10, л. 1]. И тем не менее, принимая во внимание нестабильную внешнеполитическую и внутреннюю обстановку в Семиречье в этот период (противоборство с Кокандом, непрекращающиеся столкновения на русско-китайской границе, мусульманские волнения в Западном Китае и т.д.), российские власти все еще нуждались в поддержке наиболее влиятельной части кочевой знати в данном регионе. А учитывая сильную конкуренцию кочевых групп за жизненное пространство, средства и продукт производства, чем являлся скот, реальное влияние в степи султанам могла дать только экономическая состоятельность. К тому же кроме старших султанов, другие старшины Старшего жуза большею частью не получали никакого жалованья. По этой причине российская администрация до определенного времени позволяла султанам, помимо кибиточного сбора, осуществлять с кочевников дополнительные поборы в свою пользу.

Так, в рапорте от 17 октября 1865 г. начальнику Алатавского округа, офицером из окружного управления сообщалось: «... мною были опрошены собравшийся на съезде народ, какие делают султаны и бии общественные сборы и оказалось: что по существующим издревле обычаям, сбор хлеба для султанов и биев производится добровольный с юрты, кто сколько пожелает дать. Злоупотребления бывают от поспешающих собирать там насылаемых есаулов (тунеядцев), которые позволяют себе брать силой и более чем пожелает дать хозяин юрты. Сборы скотом, производятся только в тех случаях, когда по шариату накладывается взыскание и штрафы на волость, если несостоятельный обвиненный или в уплату неизвестно кем украденного скота, а также по назначению с ближних волостей на пикеты и для проходящих войск скота и юрт» [8, л. 8].

Однако мы не можем утверждать, что местное начальство игнорировало многочисленные факты злоупотребления властью султанами. К примеру, российская администрация неоднократно указывала старшему султану племени албан и суан Тезеку Нуралиеву, на превышение им своих должностных полномочий. В октябре 1866 г., назначенный на должность военного губернатора Семипалатинской области Г.А. Колпаковский в предписании начальнику Алатавского округа Фридериксу писал: «Тюленгуты, в особенности султана Тезека Нуралы Аблайханова, самоуправными своими поступками не редко вызывают со стороны простых киргизов самые резкие жалобы и что если в последнее время были случаи отложения киргизов, то главнейшей тому причиной были обиды со стороны теленгутов султана Тезека, действующие по расчетам султана и по собственному дикому произволу в полной надежде на султанскую защиту» [8, л. 10]. В связи с этим генерал-майор Колпаковский, советовал начальнику Алатавского округа: «При всяком удобном случае внушать султанам и другим почетным лицам,

что за отменой крепостного права, не только тюленгутов, но и названия этого существовать не должно».

В то время как под воздействием административно-политических преобразований российских властей во второй половине XIX века наблюдается падение авторитета представителей султанского сословия, так напротив сословие биев приобретает все большее влияние в степи. Более того, по определению российского исследователя Е.В. Безвиконной – бии с середины XIX столетия становятся наиболее влиятельной частью казахского общества [4, с. 163].

В упомянутом выше письме Ч.Ч. Валиханов об управлении родов в племени дулат Старшего жуза, говорилось: «У дулатов несколько лучше, хотя султан их считается слабым. Там много богатых и влиятельных киргизов, которые в случае надобности могут дать султану отпор» [9, с. 169]. Впрочем, уже 1852 г. в письме генерал-губернатора Западной Сибири Г.Х. Гасфорда в Азиатский департамент министерства иностранных дел говорилось о том, что «власть старшего султана Алиа Адилева значительно ослабела, почему для приведения подведомственных ему киргиз в повиновение майор Перемышльский испрашивает разрешения дозволить ему отправиться с 75 казаками в дулатовские волости. Разумеется, что необходимо поддержать власть старшего султана, но едва ли удастся достигнуть этого одной посылкой такой незначительной команды казаков...» [11, с. 292].

Эти факты указывали на то, что среди казахских старшин, находившихся в ведении султанов Адилевых, имелись не менее влиятельные лица, при этом не являвшиеся представителями сословия *ак-суйек*. Об этом же свидетельствуют материалы переписки российской администрации с родоправителями казахских родов, входивших в состав племени дулат. К их числу относились: бии рода чапрашты Нарбута и Суранши Хакынбеков, бий рода ботбай Дикомбай Капсалямов, бии рода кашкарау Джайнак Караталов, Керым Майлыбаев и другие. Надо сказать, что российские власти всячески пытались привлечь на свою сторону уважаемых биев и представителей других сословий, традиционно облакая их в российские чины и мундиры.

Если обратиться к «Списку штаб и обер-офицеров – казахов Большого жуза» за 1859 г., то можно отметить что помимо 15 султанов, в данном списке перечислены 29 биев, 15 почетных и простые казахи [1, лл. 2-13 ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20. Лл. 2-13]. Так, один из наиболее известных биев рода чапрашты, батыр Суранши Хакынбеков числится на российской службе с 1847 г. В офицерском звании прапорщика с 17 февраля 1858 г, в том же году награжден серебряной медалью на Станиславской ленте. В «Наградном списке на султанов, биев и казахов Старшего жуза» за 1860 г., начальником Алатавского округа Колпаковским бий Суранши представлен к чину поручика [12, с. 557]. Однако, в ноябре того же года был исключен из списка награждаемых «по причине отложения его от российского подданства». После возвращения в 1862 г. Суранши Хакынбеков принимал активное участие русско-кокандских вооруженных столкновениях, в марте 1864 г. был пленен при отражении нападения кыргызских барантчей, в том же году усилиями Г.А.

Колпаковского освобожден из плена. Согласно сведениям А.Ш. Махаевой бий Суранши погиб при осаде русскими войсками укрепления Сайрам в октябре 1864 г. [13, 226 б.].

Другой, не менее знатный бий Дикамбай Капсалямов из рода ботбай, согласно указанному выше «списку штаб – обер-офицеров» удостоился в 1846 г. золотой медали и в 1859 г. получил в качестве ценного подарка серебряный стакан. Бий рода кашкарау Джайнак Караталов по тому же списку числится прапорщиком с декабря 1859 г., имел золотую медаль. По представлению генерал-майора Г.А. Колпаковского в 1863 г., за участие в осаде крепости Пишпек, Караталов получил чин подпоручика. Далее в списке волостных управителей Верненского уезда за 1868 г., уже штабс-капитан Джайнак Караталов указан управителем Алматинской волости [14, с. 328].

Опираясь на материалы именных и прочих списков на казахов Старшего жуза, мы видим, что и отдельные султаны имели звание биев. К примеру, означенный в «списке штаб и обер-офицеров» султаном рода супотай племени жалаир Камбар Аланов, в более поздних списках указывается бием. Так, в упомянутом выше «наградном списке на султанов, биев и казахов Старшего жуза» о Камбаре Аланове говорилось: «Бий рода супотай... В настоящей должности с 1847 г. Имеет золотую медаль, похвальный лист и халат 2-го разряда. Преданность его несколько сомнительна, но, несмотря на то, по первому зову явился в отряд... и как почетный и влиятельный человек своим примером воодушевлял других киргизов на исполнение трудных работ и не совсем безопасных поручений» [12, с. 562]. По указанному представлению Камбар Аланов был удостоен звания прапорщика.

Анализ вышеприведенных фактов свидетельствует о том, что в результате преобразований в административно-судебной системе, бии с середины XIX века получили не только судебную, но и административную власть и тем самым приобрели более весомое значение во взаимоотношениях кочевого общества с российской администрацией Семиречья.

Согласно утвержденному в 1867 г. «Положению об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей» во главе области стоял российский чиновник в лице военного губернатора, который являлся сосредоточием военной и административной власти. Область делилась на уезды, уезды – на волости, волости – на аулы. По новому положению представлявшие кочевое население волостные управители, располагали полицейской и распорядительной властью на местах с последующим подчинением уездным начальникам. Была введена бессловная система выборов. Принцип коллегиальности в волостном и аульном звеньях управления не соблюдался. При этом звание волостных управителей в большинстве случаев все еще оставалось наследственным и передавалось по прямой нисходящей линии или по праву первородства. Общество могло производить их пере выборы, но только с согласия вышестоящего областного начальства.

Однако, родственная преемственность в управлении волостями не всегда сохранялась. К примеру, в 1867 г. старший султан Албан-Сувановских

волостей Тезек Нуралиев (Аблайханов) сообщал начальнику Алатавского округа о смерти управителя подведомственной ему Тюленгутовской волости Дикамба Чокина. После смерти Дикамба управителем названной волости при участии шести старшин, был избран его сын Бейсембе. Посылая Бейсембе Дикамбаева на утверждение его волостным начальником округа, старший султан Тезек при этом отметил, что «народ не всегда бывает единогласен», а потому «в подобном случае бывают споры, ... должность эту оспаривают еще трое...» [15, л. 5].

Как правило, волостным управителем избирался лидер доминирующего рода. Как отмечает Ж.Д. Джампеисова, в предвыборной борьбе выигрывала та кочевая группа, которая имела более устойчивое экономическое положение. Одним из выгодных преимуществ, которым пользовался волостной управитель, было право контролировать сбор налогов. При этом нередко волостные управители злоупотребляли своими полномочиями. В исследованиях указанного автора представлено дело о незаконном сборе ясака волостным управителем Верненского уезда Солтанбеком Джигангеровым с казахов Джалаировской волости. Дело было составлено по жалобе старшин этой волости, которые в виду незаконного налогообложения просили их ввести под управление их бывшего волостного управителя. В частности, в письме отмечалось: «Мы рода мурза-карачапан и рода ураз не желаем иметь Солтанбека волостным управителем, волость наша разъединяется, между тем Солтанбек, кроме государственной повинности – ясака, обременяет их другими налогами, почему мы, рода аман в 600 юртах ведения которых старшин с биями и всем народом, покорнейшие просим вернуть нас управлению Джайнака (бий *Джайнак Караталов*, – С.М.), известному умением и 23 года служившему волостным управителем» [16, с. 193]. Исследуя подобного содержания архивные документы, Ж.М. Джампеисова отмечает, что многие такие жалобы оставались российской администрацией без рассмотрения, они воспринимались ею как ложные, так как всегда поступали со стороны проигравшей на выборах кочевой группы на выигравшую.

К примеру, в 1894-1896 гг. в управлении Семиреченской области расследовалось дело по жалобе казахов Биен-Аксуиской волости Копальского уезда о неправильном избрании волостным управителем Мырзагулова. Прошение было подано от имени 700 кибитковладельцев названной волости. Рассмотрев дело на общем собрании областного правления, заседатели его пришли к заключению, что «податели прошений суть вожака противной волостного управителя, но слабейшей, сравнительно с партией последнего, партии, и это дает право заключить, что все жалобы ложны и заявления по вражде слабой партии, протерпевшей борьбу на выборах». В связи с этим, на указанном заседании Семиреченское областное правление определило представленную жалобу оставить без последствий [17, л. 13].

В отчете комиссии под председательством сенатора Ф.К. Гирса, осуществлявшей ревизию уездных управлений Степного генерал-губернаторства, в состав которого в 1881 г. вошла Семиреченская область,

говорилось: «Всем известна борьба партий в волостях из-за выборов, которые для достижения своей цели не стесняются никакими средствами, в надежде вознаградить потери при замещении должностей своими приверженцами; вместе с тем известно также, какие многочисленные дела и запутанность в управлении волостями из-за этой борьбы; но в канцеляриях уездных управлений встречаются весьма мало производств по такого рода делам» [18, с. 344].

Среднее звено во взаимодействиях российской администрации с представителями влиятельной кочевой знати Семиречья со стороны местных представляли уездные начальники. Между тем многие материалы говорят о том, что уездные начальники не могли контролировать ситуацию во вверенных им уездах. Как отметила Ж.М. Джампеисова, нередко уездные начальники сами были замечены в отношениях с волостными управителями, которые не предписывались законом. В качестве примера, автором приведено вышеупомянутое дело по жалобе 700 кибитководовладельцев Биен-Аксуйской волости Копальского уезда о неправильном избрании в волостные управители Мырзагулова. В частности, в этой жалобе на имя Степного генерал-губернатора писалось: «...мы жаловались на притеснение уездному начальнику и отобрание у нас скота управителем нашим Тилеубаем Мырзагуловым. После подачи жалобы, уездный начальник собрал народ для выбора должностных лиц, как управителя, так и других, причем уездный начальник объявил народу, чтобы народ избрал достойного и хорошего человека, а Мырзагулову объявил, что он по жалобам народа не может быть допущен к выборам. Вечером того же дня, киргизы Арасанской волости... с управителем нашим Тляубаем были у нашего уездного начальника, а на другой день по неизвестной нам причине были избраны выборными доверенными Труспека и близкие люди управителя, без согласия общества избрали управителем Тлеубая, а кандидатом – его родного брата Туганбая» [16, с. 194]. Подобные жалобы на уездных начальников свидетельствовали о том, что их роль в избирательной компании не была лишь нейтральной. В отчете вышеуказанной степной комиссии о деятельности уездных начальников, излагалось следующее: «... уездные начальники действуют лишь в интересах дня, мало заботясь о таком законном направлении, которое могло бы доставить достоверные сведения и факты для руководства как в настоящее, так и на будущее время; все большею частью словесно и домашним образом...» [18, с. 344].

Таким образом, в результате административно-управленческих преобразований в казахском обществе во второй половине XIX века в Семиречье произошли значительные политические, экономические и социальные изменения. Традиционная организация кочевого общества где-то прекратила функционировать вовсе, где-то существенно трансформировалась. В результате встраивания традиционных казахских институтов в российскую административную систему управления, бывшие привилегированные группы номадов в значительной степени утратили сословные черты.

И все же мы не можем сказать, что султанское сословие, лишившись своих преимущественных полномочий в управлении кочевым сообществом Семиречья, полностью утратили свое социальное значение перед российскими властями. К примеру, из штаб-офицеров Старшего жуза, только представители султанской аристократии были удостоены наиболее высоких чинов российской службы. Старший султан родов албан и суан Тезек Нуралиев (Аблайханов) был произведен в полковники в мае 1863 г., старший султан племени дулат Али Адилев удостоился чина полковника еще в декабре 1859 г. Сообщая об этом султану Али Адилеву, начальник Алатавского округа подполковник Г.А. Колпаковский, писал: «Чин полковника есть последний штаб-офицерский и за тем производятся в генералы» [19, л. 30]. Сын Али Адилева, султан Аблес Алиев в 1862 г. получил звание майора. В мае 1882 г. исправлявший должность Туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант Г.А. Колпаковский ходатайствует о пожаловании пожизненной пенсии сыну старшего султана Али Адилева султану Даиру Алиеву. В справке представленной военным губернатором Семиреченской области на прапорщика Даира Алиева указано, что означенный султан имеет серебряную медаль с надписью «за усердие» с 1857 г. и малую золотую медаль с 1861 г. При этом Даир Алиев на российской службе не состоял. Тем не менее российские принимая во внимание его незначительные заслуги, а также то обстоятельство, что он сын покойного старшего султана Али Адилева российские власти пожаловали «прапорщику Даиру Алиеву, в виде исключения из правил пожизненную пенсию по 300 руб. в год» [20, л. 12].

¹В данной статье автор приводит лишь сведения, зафиксированные в архивном источнике. Какова же в действительности степень родства между старшим султаном Суюком Аблайхановым и султаном Джангозы, автором до настоящего времени не исследовалась.

Литература

- 1 ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 20.
- 2 Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках (1771-1867 гг.). Сборник документов и материалов. – Алма-Ата, 1964. – 575 с.
- 3 Оразов Р.Е. Абылайханов Сүйік // Алматы қаласының тарихи тұлғалар келбетінде. – Алматы, 2009. – С. 29-33.
- 4 Безвиконная Е.В. Административно-правовая политика Российской империи в степных областях Западной Сибири в 20-60 гг. XIX века. – Омск: Издательство ОГИ, 2005. – 240 с.
- 5 ЦГА РК. Ф. 2300. Оп. 13. Д. 21 (РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 214).
- 6 Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII в. и первой половины XIX в. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. – 296 с.
- 7 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 1. – Алма-Ата: Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1984. – 432 с.
- 8 ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 570.
- 9 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Т. 5. – Алма-Ата: Главная редакция казахской советской энциклопедии, 1985. – 528 с.

- 10 ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 541.
- 11 Далаева Т.Т. Султаны Семиречья в период утверждения российской власти (40-60-е гг. XIX в.) // Чокан Валиханов и гуманитарная наука XXI века: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 175-летию выдающегося казахского ученого Ч.Ч. Валиханова (г. Алматы, Алматинская область, МК «Алтын-Эмель», 5-6 ноября 2010 г.) / Под общей ред. С.Ф. Мажитова, В.З. Галиева, Э.Ж. Валиханова. – Алматы: Тарих тағылымы, 2010. – С. 285-294.
- 12 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки / История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т. VIII. Ч. 1. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 716 с.
- 13 Махаева А.Ш. Қазақ-қырғыз байланыстарының тарихы (XVIII ғасырдың екінші жартысы – XX ғасырдың бас кезі). – Алматы: Ценные бумаги, 2007. – 357 б.
- 14 О почетнейших и влиятельнейших ордынцах: алфавитные, именные, формулярные и послужные списки / История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т. VIII. Ч. 2. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 959 с.
- 15 ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 625.
- 16 Джампеисова Ж.М. Казахское общество и право в пореформенной степи. – Астана: ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, 2006. – 269 с.
- 17 ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 679.
- 18 Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. – Алматы: Изд-во АН КазССР, 1960. – 441 с.
- 19 ЦГА РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 392.
- 20 ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 102.

М.Р. Сатенова
(БҒМ ҒК Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих және этнология
Институтының ғылыми қызметкері)